

Эти два географических названия — китайский мегаполис и совхоз в оренбургской степи — связаны для меня первыми годами существования на свете, периодом, когда любой ребёнок только начинает ощущать мир вокруг себя и, чаще бессознательно, впитывать и понимать окружающие его звуки, запахи, слова и события — начинается жизнь.

Первые годы жизни. Что осталось в памяти о них по прошествии более шестидесяти лет. Когда моя любимая сестра Лёля предложила написать что-нибудь на своё усмотрение в книгу, почему-то сразу решил: это будет о самом раннем детстве. Вечерами за столом перед пустыми листками бумаги мучительно и радостно, с удивлением и замиранием сердца ждал и дожидался, когда из памяти всплывут воспоминания и

---

* Бородина Е.В., Митаревский А.В. Далёкие и близкие. — Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2013

чувства тех давних, самых счастливых лет.

Я поздний ребёнок. Поздний, долгожданный, родившийся на месяц раньше срока и этими фактами обречённый на заботу, внимание и любовь всех родных и близких. Выражения верноподданнических чувств, от простого «сю-сю, му-сю» до вечернего омытия, я воспринимал спокойно и с достоинством, уверенный, что по-другому быть не может. От питания маминым молоком пришлось отказаться, когда уже ходил и имел несколько красивых зубов и только после многократных папиных обращений: «Ай-яй-яй, Сашенька, ты ведь уже большой». Большой-то большой, но лишаться роскоши прикосновения к родному, тёплому, дающему полную защиту, когда закрываются глаза и засыпаешь в него и покое, очень не хотелось.

Моя кровать стояла в спальне под балдахином из москитной сетки. Кроме неё в спальне были огромная родительская кровать, комод, стол, мамино красивое трюмо, ближе к выходу на обширную лоджию находилась дверь в ванную. В саду за окном зеленел газон, росли какие-то кусты. На пальмах, расположенных поодаль, громко стрекотали цикады. Китайцы длинными бамбуковыми шестами с комком клейстера на конце ловко собирали цикад и складывали в деревянные ящички. Смотрю на это надоевшее зрелище со скукой. Тропики, жара.

Перед сном Ама (няня по-русски, а звали её Тин Вун) меня купала, заворачивала в полотенце, укладывала на кровать, вытирала и припудривала все нужные места специальным тальком. Я добросовестно задираю руки и ноги, понимая важность момента. При этом Амочка всегда напевала свои китайские колыбельные, гладила меня, ласково улыбаясь. Ама по-русски знала только два слова — таракан и баклажан, но это абсолютно не мешало нашему общению. Мы с ней прекрасно и подолгу разговаривали на какой-то жуткой смеси китайских и английских слов, звучащей для окружающих полной тарабарщиной. Прислуга китаянка была и у жившей в соседней квартире бабушки Софьи Львовны. Не помню её имени, но мы с двоюродным братом Николаем любили пощекотать веточкой её голые пятки, которые она выставляла через ограждения лестницы, ведущей на второй этаж, сидя на сквозной, по всему этажу открытой веранде, куда выходили двери квартир, и уплетая палочками свою китайскую еду, распространяющую запахи, не всегда совпадающие с нашими вкусами. На наши действия она громко реагировала тирадами на китайском языке. Это развлечение сопровождалось и нашими радостными воплями — «чихынган, чихынган», что в переводе означает «пятка». В нашем доме, расположенном в хорошем районе Шанхая на улице Хвай-хай

Лу и насчитывающем около 30 квартир, для прислуги был отведён весь первый этаж. Разбитый на небольшие отдельные боксы, каждый со своим входом. Я часто ходил к Амочке. Коридорчик, санузел и маленькая комната, где всегда была стерильная чистота. Кровать, стол, три табуретки, на стене портрет Мао Цзэдуна, на столике фотографии мужа и сына, живущих в деревне. Наша Амочка работала в городе ради заработка. Она была для нас членом семьи, вырастила и выкормила и Лёлю, и меня. Умела делать всё. Помню, как-то мне в глаз попала соринка и сильно резала. Я орал, тёр глаз, мама

прикладывала к глазу рюмочку с водой, чтобы я проморгался, всё бесполезно. В доме паника, собирались везти меня к врачу. Но Ама присела рядом, взяла мою голову в руки и одним неуловимым движением языка удалила соринку из-под века. Когда болел и приходилось лежать в кроватке, сквозь мутную пелену из белой ваты, стоящую перед глазами, видел её лицо и слышал успокаивающий голос: «Синкуде, нинкуне». Она протирала меня влажной тёплой тряпочкой, давала попить сладкой воды или какие-то микстуры. Единственное, против чего я возражал и с чем боролся бескомпромиссно, это приём рыбьего жира.

Кормление моё было ритуальным и неукоснительным действием, как восход солнца. Три раза в день в гостиной накрывался стол на одну персону с правильно разложенными вилками и ложками. По утрам могло быть подано яйцо всмятку на специальной подставочке, тосты с маслом и молоко или чай с молоком. Молоко было американское, из красивых жестяных банок с сухим порошком. Банки стояли на кухне, куда мне удавалось иногда проникнуть и успеть запустить пару ложек порошка в рот.

В обед чаще всего ел суп, котлеты и кисель, и это меню стало впоследствии крылатой фразой при вопросе: «Что ты, Саша, кушал?» Ужин состоял из второго блюда и чаще всего манной каши, которую я уплетал с маслом и

Мама и папа. 1949 г.

посыпая сахаром. Ещё присутствовало много разных гарниров (от пюре до финтезы с соей), фруктов, свежавыжатых соков и других удовольствий, о которых ребёнок может только мечтать. В целом в еде я был непривередлив, но строг. Всякие там помидоры, огурцы, капуста с их тошнотворным вкусом и запахом организм не принимал категорически и не принимает до сих пор.

На углу квартала, где мы жили, был маленький магазинчик, в котором продавался вкусный дутый рис. Он был расфасован в длинные разноцветные пакетики. Гуляя с родителями, уговаривал зайти за покупкой. Но главным достоинством продукта было то, что в пакетик вкладывались серебряные игрушечки-сюрпризы, выдавленные из картона. Это были самолёты, пушки, танки, солдатики, которыми мы с удовольствием играли дома. Ещё продавались там вырезанные из дерева разные фигурки. Целые многофигурные композиции, собранные на одной подставке. Например, рикша везёт в коляске даму под зонтиком или два носильщика несут на шестах «кибитку», из которой выглядывает какой-то мандарин. Всё это вместе, размером пять—семь сантиметров, стоило копейки, но тонкость работы удивляла и восхищала. У меня сохранились три таких вещицы, и уже в зрелом возрасте попробовал вырезать из дерева самую простую фигурку, стоящего китайца, — бесполезно.

Ещё к нам во двор, который мне казался огромным, часто заходил китаец и организовывал торгово-развлекательное, как сейчас говорят, шоу. Появлялся он ближе к вечеру, катя впереди себя тележку с печкой, оснащённую всеми необходимыми прибабасами. Останавливался в центре двора под пальмой и разжигал на углях свою чудо-печь. Параллельно с этим начинал орать: «Да-пин, ю-дзе, да-пин, ю-дзе», по многу раз, пронзительно приглашая почтеннейшую публику купить и отведать его деликатесы. Деликатесов было два. Тонкие дырчатые рисовые лепёшки на пальмовом масле, которые в считанные секунды соскакивали с его раскалённой сковородки, и пышки, сплетённые из жгутов теста. Тесто это он раскатывал у всех на виду довольно своеобразно, подбрасывая в воздух, постепенно утончая и вытягивая двумя руками, превращая в витые толстые верёвки, которыми смачно хлопал себя по спине и животу. Всё проделывалось со смехом, легко и непринуждённо. Покупатели были в восторге. Нечто подобное я видел много лет спустя в Америке, в итальянских пиццериях, где, стоя в один ряд, несколько мальчишек в униформах подбрасывали высоко в воздух раскрученное на кулаках тесто, затем ловко шлёпали его на сковородки.

Все передвижения по городу совершались на велорикшах. Спереди за велосипедным рулём

восседал водитель, на задних колёсах крепилось сиденье для двух — трёх человек. Комфорт при движении обеспечивали откидной верх из толстой прорезиненной чёрной ткани и плед, которым рикша закрывал пассажирам ноги, чтобы не продуло. Поездка начиналась с того, что, подойдя к краю тротуара, мы махали руками. Всегда стоявшая невдалеке стайка рикш срывалась с места и неслась к нам наперегонки. Начинаясь торговля. Папа говорил: «Сиезе-лу, Лате-лу, ичи кве». В ответ раздавалось: «Сиезе-лу, Лате-лу, ичи-кве??? Сиезе-лу, Лате-лу, иче-у!!!» Сходились на том, что Сиезе-лу, Лате-лу будет иче-ы. Мы усаживались на этот трёхколёсный велосипед и отправлялись в путь. Хотя мой маршрут был в основном в детский сад и обратно, рикши у дома стояли одни и те же и знали нас годами, торговаться надо было всегда как в первый раз. В однообразных поездках смотреть было особенно не на что. По улице двигались сотни похожих друг на друга рикш, сотни велосипедистов с редкими вкраплениями грузовиков и легковых авто. По тротуарам шли тысячи китайцев, неотличимых один от другого ещё и потому, что все были одеты одинаково. Синий верх в форме кителя, синий низ, синие кепки и только редких людей, одетых по-европейски, а это и были европейцы, взгляд выхватывал из этого синего моря.

Были, конечно, и другие поездки. На базар меня брали редко, но помню, как, проезжая всё так же на рикше вдоль длиннейших рядов с овощами и фруктами, лежащими на прилавках и на земле, и останавливаясь, подзывали к себе с нужным продуктом продавца, расплачивались и двигались дальше. Разнообразие поражало. Только бананов больше десятка сортов — от маленьких с розовой кожей до больших жёлто-коричневых. А про ряды с морепродуктами и вспоминать не буду, и тем более про восточную экзотику — тараканы, лягушки, змеи и т. п.

Иногда мама брала меня с собой на примерки. Любимой портнихой была Шена Полонская. У неё был модный дамский салон, и шила она виртуозно, не снимая размеров, только заколов ткань на заказчице в нескольких местах булавками. Примерка проходила неторопливо, с разговорами и просмотром журналов мод. Я тогда женскими платьями не интересовался, смотрел в окно. На ярко-зелёном газоне какие-то дети играли в крикет. Слышался смех и отдельные фразы на английском. Красивая размеренная жизнь.

Китайские портные приходили на квартиру, показывали образцы тканей, сшитые в толстые прямоугольные альбомы. Я любил их рассматривать, получая удовольствие от тонких изысканных расцветок и узоров. Обмеряли, щебетали с булавками во рту

и через день, максимум два приносили прекрасно сшитое платье или костюм.

Иногда друзья родителей, чета Смольниковых, устраивали что-то вроде светских раутов для детей. Отправлялись к ним всей семьёй. Меня наряжали в праздничные одежды типа комбинезона с вышитым на груди Микки-Маусом, рубашечка, ботиночки — всё должно было соответствовать. Настроение портилось уже в процессе одевания. Наряды всегда где-то давили, где-то начинало чесаться. В гостях усаживались за великолепно сервированный стол, подавались разные вкусные вещи, прислуга бесшумно раскладывала и меняла блюда, подливала напитки. За столом я хоть знал, что делать, — я ел. Хуже становилось, когда переходили в гостиную и надо

было вести светские беседы. Сопел, краснел и расстраивался. В те годы у меня с дикцией было не очень — что называется, «каша во рту». Потом, годам только к двадцати, я распелся, к сорока разговорился, а к шестидесяти, как видите, расписался.

А любил я ходить к бабушке и дедушке на маджан. Об этих удивительных вечерах Лёленька уже писала в книге «Семейные хроники» (Москва, 2000), повторяться нет смысла. Скажу только, что пончиков вкусней, чем подавала Чихынган к чаю, я в своей жизни не встречал. Сама игра в маджан меня завораживала, с замиранием наблюдал, сидя рядом с бабушкой, за действиями игроков, пытаясь запомнить и понять манёвры на столе и на досках. Только уже в Оренбурге, годам к десяти был допущен к столу,

Детский приём у семьи Смольниковых. Лёля Митаревская — вверху первая справа, я — в среднем ряду второй справа. Шанхай, 1951 г.

С сестрой в детском саду. 1952 г.

самостоятельно и быстро навсегда освоил все тонкости и нюансы игры, включая счёт. Бабушка Соня мной гордилась и называла лучшим её учеником.

Ещё у бабушки жил скворец Кокоша. Невзрачная, небольшая чёрная птичка. Скворец, естественно, был китайский, но что он научился говорить по-русски, это просто фантастика:

— Здравствуй, птичка, здравствуй. Как живёшь, хорошо? Молодец!

— Все птички пошли спать, Кокошенька пойдёт спать.

— Спать пора, спать пора.

— Боже, боже, что это такое, а?

— Пошёл вон, дурак.

Последнее выражение предназначалось для воробьёв, которые нагло клевали зёрна из клетки,

когда она стояла на лоджии. Но Кокошенька самостоятельно расширил диапазон применения фразы.

Это только часть, мною запомненная, лексикон Кокоши был намного шире. Притом его не надо было уговаривать что-нибудь сказать. По характеру общительный и разговорчивый, он болтал, когда надо и не надо. Звуки он произносил внятно, громко и решительно напирал на «р-р-р-р», да так, что многие гости подпрыгивали от неожиданности, услышав человеческий голос ниоткуда. Бабушка и дед Иннокентий Иванович несказанно радовались успе-

хам своего любимца.

Годы летели. Надо было отправляться в детский сад. Я понимал неотвратимость этого события, был ему не рад, капризничал и потребовал, чтобы Лёленька меня сопровождала. И вот сестра, святой человек, старше меня на шесть лет, в свои летние каникулы стала ездить со мной. Это длилось целый месяц, пока я, преодолев свою врождённую скромность, адаптировался, отлип от неё и пустился в самостоятельное существование.

Детский сад располагался на территории Советского клуба. Клуб — это целый комплекс зданий и сооружений на большом благоустроенном участке с пешеходными дорожками, клумбами, вазонами, газонами и

со всевозможными тропическими деревьями и кустарниками.

Было предусмотрено всё, что надо для приятного и культурного времяпрепровождения. Здание администрации в три этажа с книжным киоском, которым много лет заведовал на общественных началах наш папа, ресторан, детский сад, летняя киноэстрада, тир, площадки для волейбола, большого тенниса, городков, гимнастические снаряды и т. д. и т. п. Жизнь кипела. Взрослые приезжали вечерами, отдыхали в ресторане, общались по интересам. Из советского консульства в книжный киоск поступали классика и все литературные новинки Советского Союза.

Меня интересовали книжечки из серии «Советская песня». На обложке был изображён пляшущий солдат в пилотке с широкой улыбкой и растянутой, тоже широко, гармонью. Мама была членом женсовета. Организовывала разные мероприятия. Постоянно проводились концерты, встречи с приезжими знаменитостями, отмечались праздники, ставились спектакли.

Я тоже со временем стал известным артистом. Отплясывал в красной косоворотке гопака в детском ансамбле.

Но звёздный час пробил, когда меня пригласили на главную роль — Деда в спектакле «Сказка про репку». Грим был сложный — усы, борода, ещё русский народный костюм с каким-то маляком на голове. Но основная

фишка — это лапти. Сплести настоящие лапти в Шанхае для шестилетнего ребёнка — задача серьёзная, однако нашёлся среди русских умелец, и к премьере лапти у меня появились. Успех у спектакля был ошеломляющий. Публика неистовствовала от восторга.

Из детского сада к вечеру меня забирали родители, но оставались в клубе, и мне было чем заняться. Во-первых, взрослые ребята и мой двоюродный брат Николай регулярно играли в войну и брали меня. В клубе действовал кружок военного дела, где учились маршировать, обращаться с оружием, бросать гранаты и прочим премудростям. Для этих занятий в кружке имелись винтовки, практически как настоящие, и ими разрешалось пользоваться в наших играх. Помню, как почувствовал угрожающую тяжесть оружия, впервые взяв винтовку в руки, и ощутил себя грозным, сильным защитником родины. Мы носились по клубу, орали, ползали по-пластунски по клумбам с цветами (за что нас нещадно карали). Делали выстрелы наповал, прятались за пальмами и совершали отчаянные перебежки, уклоняясь от разрывов гранат и свистевших вокруг пуль, скакали верхом на ружьях как на конях. Потом дело доходило до рукопашной, но здесь мне не очень везло, и я с рёвом отправлялся искать маму с папой. В результате понял, что победу

завоёвывают не лихие кавалеристы, а упорные пехотинцы.

Среди старших мальчишек считалось особым шиком проникнуть в кино на эстраду без билета. Взрослые делали вид, что беспощадно борются с этими проникновениями, но периодически перекрывали отработанные маршруты. В одну из таких дерзких акций я увязался за Николаем и ещё двумя дылдами старше меня лет на восемь — десять. Надо было точно рассчитать, чтобы успеть, пока показывали журнал, просочиться под эстраду и через дырку, ведущую в зал, до того как включают свет между журналом и фильмом, пулей пролететь на свободные места.

Это легко написать, а вот сделать это куда как сложнее и опаснее. Сначала мы перелезли через заборчик. Николай со своими длинными ногами сделал это легко, я же только с третьей попытки, испачкавшись и занозив руки. Потом долго пробирались в узком, загромождённом разными предметами проходе между забором и эстрадой, подлезая и перескакивая. Колька-то перескакивал, а я плюхался на что-то пузом и сползал вниз головой на землю. Наконец, попав под эстраду, а точнее, под эстрадную сцену, мы в полной темноте стали продвигаться к заветной дырке, стучаясь лбами о какие-то столбы и цепляясь за проволоку и провода. Вот заветная дырка. Николай вытолкнул меня в неё и сам быстро нырнул в зал. Два других парня

тоже исчезли. Я остался один. В отвесах падающих на экран лучей с трудом разглядел только сидящих в первом ряду людей. Рост не позволял видеть дальше и искать места в зале. Обречённо плюхнулся на приступочку в проходе между рядами, в надежде быть незамеченным. Сидел, разрываемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, я был горд и ликовал, что, преодолев страх и опасности, сделал это. С другой стороны, понимал, что поступок этот какой-то неправильный. Потный, с шишкой на лбу, занозами в ладошках и сбитыми коленками, слушал, как колотится сердце, не видя и не понимая происходящего. Меня заметили, и какая-то женщина, взяв нежно за руку, молча повела к выходу. За несколько секунд дефиле по проходу я вспотел насквозь, и не оттого, что имел непрезентабельный вид, а оттого, что стыдно. Так закончилась моя попытка на халяву посмотреть фильм «Аршин мал алан». В дальнейшей, взрослой жизни это испытанное в детстве чувство служило мне хорошим индикатором для принятия самых разных решений: будет стыдно — значит не то решение. А фильм через несколько дней я посмотрел вместе с родителями, важно прошёл с билетом в зал и с удовольствием слушал тенорок Рашида Бейбутова, исполняющего весёлые песни с экрана.

Возили нас и в другие места. На коровью ферму, например,

наверное, с целью показать детям мир животных. Ехали долго, и я, прекрасно осведомлённый, кто такие коровы, по картинкам в детских книжках, представлял, как подойду к корове, почешу ей чубчик или за ушком, она улыбнётся и благодарно скажет: «Му-у-у». Приехали, я радостный впереди всех вошёл в помеще-ние фермы и сразу почувствовал специфический неслабый запах. Двинулся дальше, наступил на что-то жидкое и липкое, запах усилился. В книжках об этом не говорилось. Продолжал идти уже с меньшим энтузиазмом и вдруг увидел нечто огромное, идущее из полумрака мне навстречу. Это нечто смотрело на меня мутными злыми глазами, угрожающе мотало головой, изо рта свисали длинные слюни. И оно издавало истошные звуки, совсем не «му-у». Сообразив мгновенно, что мы не туда попали, принял единственно правильное решение — взобрался на папу. Меня долго успокаивали, говорили, что это маленький телёночек решил подойти и сказать: «Здравствуй, Сашенька». Но я видел и слышал всё сам и понял, что жизнь надо изучать не по книжкам.

Помню ещё, отпра-вились как-то на машине в «свиминг пул»

в первый раз. Бассейн педагогического университета в Шанхае располагался за городом. День был воскресный. Едем по Шанхаю — красота и чистота. Под колёсами асфальт, вокруг многоэтажные ухоженные дома, витрины магазинов сверкают. Проехали район порта. Корабли, яхты, катера рассекают воды реки Вампу. Едем дальше, я в приятном ожидании насладиться красотами пригородов Шанхая. Но что я вижу: вместо красот природы — вокруг тысячи жалких лачуг, сделанных из чего попало, прилепленных одна к другой с узкими проходами, кругом мусор, грязь и китайцы бедные, если не нищие, смотрящие на проезжающую машину пустыми отрешёнными глазами.

Потом был бассейн. Меня учили плавать, люди вокруг веселились, ныряли с бортиков, но

Русская пляска в исполнении Саши Митаревского

Шанхай. 1950-е гг.

мне было грустно. На обратном пути, чтобы не видеть эти трупобы, закрыл глаза, прикинувшись заснувшим. Пожалуй, это было впервые осознанное понимание, что далеко не всем в этом мире живётся легко и счастливо.

Развитие организма не остановить. И вот уже подошло время молочным зубам уступить своё место постоянным.

Эта процедура требовала визита к страшному зубному врачу. Меня начали готовить заранее, объясняя, что это надо сделать обязательно, чтобы новые зубы росли ровненько, требуется удалять молочные. Вот они у тебя уже шатаются и сами вылазят, но врач им поможет. К этим угловорам я относился с абсолютным

недоверием, тем более что в нашем кругу ходили разговоры о муках и боли, которую испытали мои товарищи по детскому саду, посещая зубного врача. Поэтому я отбрыкивался до последнего как мог. Только папин аргумент: «Ты ведь не трус» — заставил меня наконец согласиться. И вот с группой поддержки в лице мамы и бабушки мы двинулись на эту процедуру. Ноги не шли, руки не слушались. Не помню, как забрался в кресло и влип в него всем телом. Доктор, улыбающийся симпатичный человек, попросил открыть рот, запустил в него руку с блестящей железякой и через миг что-то звякнуло в стоящей рядом чашке. Ещё не поняв, что операция прошла успешно, я услышал от доктора, что ватку можно выплюнуть через десять минут, и главное — внимание — можно скушать мороженое. Домой возвращался, ликуя и жуя мороженое, решил, что вполне заслуженно могу сказать папе: «Я не трус».

Март 1953 года. Умер великий вождь и учитель всех времён и народов Иосиф Виссарионович Сталин. Настоящее горе обрушилось и на Китайскую Народную Республику. Ушёл из жизни лучший друг всего китайского народа и Мао Цзэдуна, тоже великого кормчего. Все взрослые искренне переживали. Траурными лентами обвязаны портреты вождя. Все разговоры только о нём. Мы, дети, тонко чувствуя настроение взрослых, тоже приуныли. На

траурном собрании в клубе выступал советский консул в Шанхае. Говорил тяжело, дрожащим голосом. У многих людей слёзы в глазах, женщины рыдали. Выйдя с собрания, мама спросила меня, что я понял. Отвечаю: «Мама, дядя шестнадцать раз сказал «ну». Уже тогда, в семилетнем возрасте, косноязычие меня расстраивало.

Наступил следующий, 1954 год. По всему Шанхаю прокатилась волна новостей — можно ехать в Советский Союз. Уезжать было надо, это понятно. Хотя отношения между СССР и Китаем ещё не начали стремительно портиться. Папа и дедушка Иннокентий Иванович в то время преподавали русский язык в шанхайском педагогическом университете и в школе советско-китайской дружбы. У меня сохранилась подаренная дедушке книжка с трогательными записями пожеланий его китайских студентов.

Но не все взрослые в нашей семье думали одинаково. Мудрая бабушка Софья Львовна предлагала ехать в Америку. Ещё раньше папина сестра Ирина с

мужем уехали в Австралию, многие знакомые уезжали в Европу. В конце концов бабушке пришлось смириться с мнением большинства. Решено было возвращаться в Советский Союз, чтобы дать детям Родину, которую мы никогда не видели.

Начались приготовления к отъезду. Бесконечные обсуждения, что брать, что оставить. Длинные списки писались и переписывались. Заказывались предметы мебели: скамейки, складной стол, складные стулья. Шились тёплые платья и костюмы. Мне сшили красивый тулупчик из меха козы и шапку-ушанку из кенгуру. Покупались зимние вещи — свитера, рукавицы, носки и гольфы. Всего не перечислить. Ещё папа заказал несколько чемоданов, деревянных сундуков и ящиков. Постоянно что-то выносилось,

Дедушка с китайскими студентами. 1954 г.

а что-то вносилось в квартиру. Добросовестные аккуратные китайцы укладывали в ящики фарфор и посуду, обмотав каждую вещь рисовой соломкой. Набивались мягкими вещами большие американские кофры. Наконец на каждом упакованном месте писались номера и наносились по трафарету данные владельца. Составлялся окончательный список мест. Помимо всего этого надо было оформить как у китайских, так и советских властей массу документов: уволиться, рассчитаться со всеми кредиторами, сдать квартиру, взять характеристики с места работы или учёбы. От нас, детсадовских товарищей, также требовалась для предъявления на Родине характеристика.

Перед самым отъездом посетили фотосалон. Фотографировались по отдельности и всей семьёй вместе. Такими мы были тогда.

Не помню, какого числа, но где-то в конце июля мы все оказались на вокзале. То, что там происходило, отложилось в голове навсегда. Гремела браваурная музыка, трудно было говорить. Вдоль всего состава из чистых зелёных вагонов стояла непроходимая толпа. Прощания, обнимания, рукопожатия. Кто-то навсегда терял свою любовь, кто-то родных и самых близких. Китайцы плачут, русские ревут. Музыка громко надрывается. Надо делать счастливое лицо: Родина, коммунизм, домой, дружба навек — ура-а-а-а! Я как щенок

Перед отъездом на Родину всей семьёй. Июнь 1954 г.

болтаюсь между взрослыми. У меня точно горе, первое. Расстаюсь с любимой Амочкой. Она на вокзале потерянная и несчастная, в толпе среди массы китайских студентов. Поезд тронулся, все бегут, машут руками. Кричу из тамбура: «Амочка, я тебя выпишу, мы скоро увидимся». Она же одна дольше всех бежала за поездом, плача и что-то говоря. Не выписал. Не увиделись. Что стало с ней после нашего отъезда? Была ли судьба к ней добра или наоборот? Одному Богу известно. Добрая ей память, маленькой китайской женщине, искренне любившей нашу семью и, конечно, любимой ответно. Судьба забросила меня в Китай тридцать семь лет спустя, и я с грустью и нежностью вспоминал её, бродя по улицам и прислушиваясь к звукам с детства знакомой речи.

В вагонах быстро разместились и ехали с удобствами. Китайцы-проводники разносят чай, вагон-ресторан. Незаметно доехали до последней китайской станции Маньчжурия. Нас пересадили в поданные с советской стороны теплушки, и в них мы пересекли границу. Станция Отпор. Вот она Родина, здравствуй! Вдоль вагонов стоят советские пограничники с автоматами и собаками. Лай, крики — выйти из вагонов. Стали выходить со списками своих вещей. Китайский паровоз ушёл. Наш поезд состоял из полутора десятков теплушек, а точнее, из вагонов-скотовозок, с большими раздвижными

проемами посередине. В правом углу деревянные нары в три яруса. Размещали вместе по несколько семей. В нашем вагоне было, кажется, 15 человек. Долго устанавливали ящики и сундуки, сооружая из них подобие перегородок для кухни и туалета. После переключек и проверок папа получил подъёмные деньги, документ с местом назначения и поехали. Свершилось! Едем по родной земле, где «дышится легко и каждый человек хозяин необъятной Родины своей».

Лично для меня этот переезд, а длился он около двух недель, был интересным приключением. Я имел персональный горшок, меня кормили, укутывали и укладывали спать. Поезд часто останавливался на разных станциях. Взрослые мужчины неслись на станцию за водой, покупали у местных продукты. Почему-то наш поезд всегда ставили на самые дальние пути. И бежать к станции за кипятком и холодной водой надо было перескакивая через рельсы, а иногда подлезать под вагоны. Мужчины бегали, держа в руках кто чайник, кто вёдра, кто термосы.

Женщины выходили размяться вдоль вагонов, разговаривали, курили. Мы, мелюзга, тоже время зря не теряли. Забирались в какие-то лужи, рассматривали множество спящих в них головастика, рвали лопухи, ходили по рельсам, но по свистку паровоза все бежали к своим теплушкам, запрыгивали в них, иногда

на ходу. Главным развлечением при движении было сидеть в проёме, свесив ноги вниз, и глядеть по сторонам. Считалось, что сидеть так рискованно, можно вывалиться, но никто не вывалился, а меня всегда кто-нибудь придерживал.

Доехали до озера Байкал, дорога проходила совсем близко от берега, и поезд специально остановился. Все бросились к Байкалу, кто-то уже плескался, другие заходили помыть ноги и освежиться. Вода, несмотря на жару, была холодная. Я бросал в озеро гальки-блинчики. Несколько камешков взяли с собой как память и долго хранили.

И вот мы уже где-то в бескрайней оренбургской степи. Выгружаемся из вагонов, и нас на машинах везут. Привозят в совхоз «Бурлыкский» Буртинского района Чкаловской области. Мы становимся участниками всенародного движения по освоению целинных и залежных земель в зоне рискованного земледелия. Партия решила, что без нас это дело не осилить.

Где-то надо жить. Рабочие уже сколотили из готовых щитов два финских домика на четыре семьи. Наша задача — утеплить, обить снаружи дранкой, заштукатурить и обустроиться внутри. Готовить в доме жарко, туалет метров за двести. Какие туалеты, удивляются местные, вон вокруг степь необъятная. Печки на улице, это да, надо. Откуда-то привезли чугунные

плиты с двумя отверстиями и куски жестяных труб. Все начали выкладывать глиняные печки. Три ряда сырого кирпича буквой «П», сверху укладывалась чугунная плита, сзади приспособлялась труба для тяги, спереди — дырка для дров. Все стенки обмазывали жидкой глиной, и печь готова. Топили кизяком. Кстати, кизяк, кто не знает, — это смесь коровьего навоза с нарубленной соломой в форме кирпича, их мы тоже научились делать. Жившие рядом люди имели собственные дома, сделанные из самана, обмазанные глиной, полы земляные, крыши под соломой, редко под толем. Заборы и загородки для скота и птицы тоже из плетней. Так что наши финские домики можно считать хоромами. Мы выглядели для местного населения инопланетянами. Женщины выходили из дому в шёлковых китайских халатах, курили. Мужчины носили галстуки и шорты. Относились к нам неплохо, помогали чем могли. Бабушка Соня, хотя ей было за семьдесят, очень быстро наладила деловые контакты, бегала по деревне в поисках и меняла привезённые вещи на продукты — молоко, яйца, картошку, мясо. Местных этот товарообмен очень даже устраивал. Бабушка с ними нещадно торговалась, и они её зауважали. Мама хлопотала с утра до вечера по хозяйству, надо было всех накормить, обстирать в далеко не панхайских условиях.

Дед начал работать в правлении счетоводом.

Для нас важно было обустроиться к зиме. Дранки не дали, цемента для штукатурки тоже. Дали только много гвоздей. Гвозди были тонкие, длинные, с загибом наверху, вместо шляпки. Было решено нарубить ивовых прутьев, растущих в избытке вдоль Урала, и ими вместо дранки обить дома. Началась работа, одни ездили рубили прутья, другие их очищали от листьев и коры, третьи колотили эти прутья крест-накрест к стенам. Я работал в третьей группе. Ивовые прутья длиной по два-три метра очень упругие и всегда в форме дуги. Такое прибить к стене не просто. Забьёшь три гвоздя, бьёшь четвёртый, первые два вылазят. А тонкие гвозди, как червяки, сгибались в разные стороны и забиваться не хотели. Опыта такой работы у меня, естественно, не было, но отбив несколько раз пальцы и изуродовав сотню гвоздей, приспособился, и дело пошло. Для обмазки стен решено было использовать глину с соломой. Всё смешивали, ходя по глине босиком и подливая воду. Затем это руками шлёпали на прибитые к стене прутья и размазывали, но я к этому процессу не допускался. Ещё надо было постоянно обеспечивать печки топливом. Топливо было двух видов. Кизяк и дрова из леса. Лепёшек коровьих для кизяка вокруг в полях было полно, но они быстро горели. За дровами надо было ездить в лес.

Нам дали длинную телегу, запряжённую двумя волами, и мы уехали на целый день. Скорость волов очень, я бы сказал, низкая, пешком раза в три быстрее, но они тащили телегу. Разрешалось в лесу рубить только курушатник, его другое название — волчья ягода. Это довольно высокие сорные кусты с красными несъедобными ягодами. Ещё можно было собирать сушняк. Вооружённые топорами, мы рубили этот чёртов курушатник, таскали к телеге, грузили, притоптывая, чтобы больше поместилось. На обратном пути волы упрямылись, наверное, от голода и тяжести. Колёса цеплялись за разные выбоины и впадины (в лесу всегда разбитые дороги). Волы остановились. Мы стали им помогать и толкать телегу сзади — стоят. Приехавший с нами из Шанхая Борис Браун, рыжий худой дядька, зашёл вперёд на несколько метров и, показывая руками направление, скомандовал на чистом английском языке: «Коман, коман» — вперёд, значит. Волы эту команду молча проигнорировали. Тогда папа пошёл на крайнюю меру и огрел обоих по задницам тяжёлым поленом. Им как раз этого и не хватало, волы с лёгкостью пошли. Ещё одно поучительное событие отложилось в моём сознании.

Надо сказать, что эту новую жизнь с её новыми реалиями я воспринял весьма адекватно. Работал вместе со взрослыми, стараясь не отставать. Наверное, с

рождения у меня руки, как говорится, были правильно пришиты и включились, когда это потребовалось. Начал быстро и уверенно тюкать молотком и довольно ловко орудовал в лесу топориком. Папа меня не хвалил, но иногда я замечал, как с одобрением он за мной наблюдает, и старался ещё больше.

Папа, чтобы получить трудодни, стал по нарядам копать погреба для овощей. У него уже начала сильно болеть язва желудка, но он с упорством продолжал работать. Помню, раз мама послала меня отнести ему в судочке обед. Приближаясь, я видел его копающим уже по пояс в яме. Он копал с остервенением, в глазах были боль и отчаяние. Я понял, что он, скорее, упадёт в этой яме, но выкопает её, и ещё я понял: это ради нас, своей семьи и детей, он так надрывается. Подошёл и в порыве пронзившей меня нежности обнял его. В следующее мгновение папа уже улыбался мне, говоря какие-то ласковые слова. А было ему тогда сорок восемь лет. Позже в Оренбурге ему сделали операцию, удалив часть желудка, и всё обошлось.

Познакомился с местными мальчишками. Вместе играли. Вместе воровали арбузы. Дело было так. На окраине отделения совхоза, где мы жили, стоял большой сарай, доверху заваленный арбузами. Внутри не пускали. Сторож, мужик с одной

деревянной ногой, вооружённый ружьишкой, заряженным солью, нас гонял, делая страшные рожи, произнося при этом незнакомые мне тогда слова. Мы нашли выход, устраивающий обе стороны. Когда очередная машина медленно выезжала из ворот склада, кто-нибудь быстро с заднего борта забирался в кузов, сбрасывал другим мальчишкам в руки два-три арбуза и кубарем, пока машина не набрала скорость, скатывался вниз. Сторож на это не обращал внимания, так как зона его ответственности за воротами склада заканчивалась. Мы, довольные, улепётывали в ближайший овражек и объедались сладкой мякотью так, что трудно было идти.

Ходили на Урал на рыбалку. Рано утром я, Николай и папа выдвигались из дома с нехитрыми рыбацкими пожитками. На берегу из ивовых прутьев делали удилица. Папа привязывал леску с поплавком из пробки, грузило, крючок. Расходились вдоль берега, насаживали червяков или комочек хлеба, иногда кузнечиков, и начиналась рыбалка. Рыба в реке была. За утро каждый успевал наловить полный кукан. Кукан — это опять же ивовый тонкий прутик не больше метра, на который через жабры и рот продевалась пойманная рыбёшка. Когда утренний клёв спадал, я начинал бегать за лягушками, бросать камни в воду. Папа отгонял

меня подальше, но к обеду мы довольные возвращались домой. Улов наш чистился, жарился и подавался на стол. Я рассказывал, какие были поклёвки и какие огромные рыбины сходили у меня с крючка. Все вежливо кивали.

Наступил сентябрь, пошёл в первый класс. Взрослые понимали, что надо уезжать в город. Школа — семилетка, Лёле надо учиться дальше, Коля уже вынужден был жить и учиться в райцентре Беляевка в школе-интернате. Папа с бабушкой ездили в Оренбург, подыскивали работу и жильё. В декабре, видимо, всё сложилось, погрузили вещи и нас в машину и в лютой мороз поехали за сто пятьдесят километров перед самым Новым, 1955 годом

жить в Оренбург. Я и сейчас в нём живу. А фотографий нашей жизни в Бурлыке нет. Не было там фотосалонов, да и всем нам было не до фотографий.

Эти воспоминания я написал ради светлой памяти родителей. Добрые, чистые, глубоко порядочные люди делали всё, что могли, ради своих детей. За всю жизнь ни разу не повысившие на меня голоса. Только спокойные разговоры, только любовь, забота и внимание, даже когда делал ошибки и спотыкался, тревогой рая их сердца. И как мало они получали в ответ. Если б я мог... Папы и мамы давно нет, и сейчас могу только сказать: спасибо, спасибо вам, мои дорогие, любимые, спасибо и простите.